

Зотов Владимир Рафаилович

**Лев Александрович Мей и его
значение в русской литературе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Рафаилович З.**
Лев Александрович Мей и его значение в русской литературе / Зотов Владимир Рафаилович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 105 с.

ISBN 978-5-519-86404-6

ISBN 978-5-519-86404-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Генералъ Г. А. Сперанскій въ молодости

Г. А. Сперанскій

A. Henry

ЛЕВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МЕЙ

И

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Критико-біографическій очеркъ).

«Habent sua fata libelli» — говорили римляне. У насъ — «своя судьба» и — надо признаться — большею частью незавидная выпадаетъ на долю не только отдѣльныхъ книгъ, но и самихъ авторовъ. Умираютъ они, чаще всего, не успѣвъ довершить своего литературнаго поприща, не высказавъ всего, чѣмъ была полна ихъ голова, чѣмъ билось рано угаснувшее сердце, не оправдавъ всѣхъ возлагавшихся на нихъ надеждъ. Но что еще печальнѣе, если не для нихъ самихъ, то для литературы: умираютъ они не понятые современниками, неоцѣненные критикою, забытые потомками. Тяжела ранняя смерть даровитаго писателя, но еще тяжелѣе раннее, незаслуженное забвеніе его произведеній. Конечно, успѣхъ далеко не всегда можетъ служить мѣриломъ достоинства: исторія приводитъ сотни примѣровъ увлеченія публики самыми ничтожными сочиненіями. Съ другой стороны, Шекспиръ ждалъ чуть не два столѣтія оцѣнки своихъ гениальныхъ пьесъ. Но допуская равнодушіе публики къ замѣчательнымъ трудамъ, исторія литературы съ грустью остановится на равнодушіи къ нимъ критики, призванной быть судьей научнаго значенія писателей, руководителемъ въ вопросахъ искусства. Мы можемъ понять, напримѣръ, что наша публика, цѣлая полстолѣтія послѣ смерти Пушкина, мало интересовалась его

произведеніями: они были достойно оцѣнены нашею критикою — и рано или поздно большинство интеллигенціи должно было обратиться къ великому поэту, что и случилось на нашихъ глазахъ. Но мы рѣшительно не понимаемъ равнодушія критики и публики къ поэту, конечно, не обладающему всеобъемлющимъ міровоззрѣніемъ Пушкина, но немногимъ ему уступающему по широтѣ творческихъ замысловъ, по народности своихъ произведеній и блестящей фактурѣ стиха. И вотъ почему мы рѣшились, такъ сказать, возсоздать въ памяти русскихъ читателей забытый образъ высокоталантливаго, симпатичнаго поэта ко дню четвертьвѣковой годовщины его безвременной смерти.

Мей былъ настоящимъ поэтомъ въ теченіе всей своей жизни, небогатой внѣшними событіями. Истинно русскій человѣкъ, въ самомъ чистомъ значеніи этого слова, онъ носилъ нѣмецкую фамилію, хотя сердце его никогда не лежало къ особенностямъ національнаго нѣмецкаго характера, не только дурнымъ, но даже и хорошимъ, какъ «умѣренность и акуратность». Отецъ его, Александръ Ивановичъ Мей, былъ давно обрусѣвшій чиновникъ; мать — русская дворянка Ольга Ивановна Шлыкова. Ей выпала на долю тяжелая участь — ходить за больнымъ мужемъ, въ молодости военнымъ офицеромъ, тяжело раненымъ въ Бородинскомъ сраженіи. Конецъ Ал. Ив. Мей былъ очень печаленъ. Скопивъ своею службою небольшой капиталъ, старикъ задумалъ купить небольшое имѣніе на югѣ. Теплый климатъ былъ ему необходимъ. Условившись въ цѣнѣ, старикъ обратился въ наличныя деньги все, что имѣлъ и повезъ шестьдесятъ тысячъ въ уплату за купленную деревню. Но на дорогѣ старыя раны его раскрылись и онъ умеръ внезапно на маленькой станціи. Съ нимъ была, конечно, и его жена, но она такъ растерялась въ минуту постигшаго ее несчастія, что и не вспомнила о деньгахъ, которыя мужъ везъ съ собою. Ихъ

украли тотчасъ же, и вмѣсто поѣздки на югъ пришлось вернуться въ Москву, съ тѣломъ мужа, почти нищей. Эта потеря растроила все благосостояніе семьи.

Левъ Александровичъ родился въ Москвѣ, 13-го февраля 1822 года, гдѣ и получилъ образованіе въ московскомъ дворянскомъ институтѣ. Въ этомъ заведеніи онъ выказалъ такія блестящія способности, учился съ такимъ успѣхомъ, что 14-ти-лѣтняго, талантливаго ученика перевели въ царскосельскій лицей, для окончанія воспитанія на казенный счетъ. Въ теченіе шести-лѣтняго пребыванія въ лицей (отъ 1836 до половины 1841 г.) дарованіе Мея окончательно окрѣпло и изъ лицеиста сформировалась та поэтическая, симпатичная натура, съ выдающимися качествами и увлеченіями, какою она оставалась, не измѣняясь до конца своего поприща. Стихи онъ началъ писать еще въ Москвѣ, но въ лицей выработались всѣ особенности его таланта и характера. Учился онъ прекрасно, имѣя полные баллы почти по всѣмъ предметамъ обширнаго курса, но вышелъ десятымъ классомъ, какъ Пушкинъ, потому что для полученія выспого, 9-го класса при выходѣ изъ заведенія, требовалась опредѣленная сумма балловъ не только по ученію, но и по поведенію, за все время пребыванія въ лицей, а поведеніемъ, въ смыслѣ смиренія и послушанія, Мей никогда не отличался. Это была въ высшей степени живая, подвижная натура, всегда готовая нарушить всякое предписаніе относительно тишины, спокойствія, порядка, дисциплины. Въ каждой шалости въ заведеніи или внѣ его, Мей былъ непремѣнно если не зачинщикомъ, то однимъ изъ главныхъ участниковъ. Все, что запрещалось лицейскими уставами, нарушалось имъ съ особеннымъ увлеченіемъ. Такъ еще на школьной скамьѣ онъ былъ отчаяннымъ курильщикомъ и остался имъ всю свою жизнь. Первый портретъ, снятый съ него товарищемъ Голубцовымъ, представляетъ его съ длинной трубкой, длин-

ными волосами и въ разстегнутой курткѣ, — два послѣднихъ признака представляли также протестъ противъ принятыхъ постановленій. Когда настала для восемнадцатилѣтняго юноши пора другихъ, болѣе серьезныхъ увлеченій, онъ и здѣсь явился однимъ изъ первыхъ устроителей разнаго рода кутежей и похожденій. По праздникамъ лиценстовъ отпускали только въ Царское-Село, къ жившимъ тамъ родителямъ. Не многіе изъ нихъ, для того, чтобы видѣть разъ въ недѣлю своихъ сыновей, обрекали себя на зимнюю жизнь въ городкѣ, лишешномъ всякихъ развлеченій. Такихъ семействъ въ 1838—40 году въ Царскомъ-Селѣ было двое: Марья Александровна Пальчикова, у которой было два сына въ XI и XII курсѣ, и Софья Николаевна Кондоиди, окруженная красавицами-дочерьми, радушно, съ чисто материнской лаской, принимали товарищей ихъ сыновей. Но для пылкой молодежи мало было удовольствій тихаго семейнаго круга. Отпросившись въ воскресенье въ Царское-Село, сорванцы нерѣдко удирали контрабандой, на тройкахъ, въ Петербургъ, — желѣзной дороги тогда еще не было. Въ этихъ поѣздкахъ почти всегда участвовалъ Мей, воспѣвшій ихъ вмѣстѣ съ пріютами, гдѣ обыкновенно останавливались путники, и съ ямщикомъ Колчинымъ, ихъ неизмѣннымъ автомедономъ.

«Братья, помните ль, бывало,
Какъ нерѣдко удирало
Человѣкъ пять-шесть изъ насъ
Прямо въ Питеръ, не спросясь.
Ѣдемъ... холодно... ни слова,
Но тепло у Поляковой.
Вотъ застава. Гдѣ билетъ?
Удалось!... «Правда ль нѣтъ?»

Такъ писалъ Мей, приводя въ своихъ стихахъ даже поговорку ихъ возницы и то обстоятельство, что въ Петербургъ, въ то время, нельзя было попасть иначе, какъ предъ-

явивъ у шлагбаума билетъ о званіи проѣзжающихъ — разумѣется фальшивый. Такія стихотворенія были первыми плодами лицейской музы поэта. Воспѣвалъ онъ въ нихъ все, что поется въ 18 лѣтъ: любовь, женщинъ, вино, попойки. Но если и говорить онъ въ одной изъ своихъ пѣсень, что

Пробки взлетѣвшей,
Влаги вскипѣвшей
Сладостенъ звукъ;
Сокъ золотистый
Для лицеиста
Лучше наукъ, —

то все это было только обычнымъ увлеченіемъ молодости. Но никогда въ своихъ лицейскихъ стихахъ скромный поэтъ не доходилъ до цинизма лермонтовскихъ поэмъ, писанныхъ также въ учебномъ заведеніи, или до новальной брани всѣхъ профессоровъ, учителей и гувернеровъ, какою осыпалъ ихъ одинъ изъ его товарищей въ прощальныхъ пѣсняхъ при разставаніи съ лицеемъ. Мей всегда чуждался рѣзкихъ картинъ, сужденій и выраженій въ своихъ стихахъ: въ нихъ онъ сохранилъ главные качества нѣмецкой натуры своихъ предковъ — умѣренность и акуратность, которыхъ, къ сожалѣнію, не придерживался въ жизни. Въ этомъ томѣ нашего изданія мы приводимъ тѣ изъ его лицейскихъ пѣсень, которыя имѣютъ общій интересъ.

Стихи онъ началъ писать гораздо раньше, чѣмъ перешелъ изъ Москвы въ лицей, куда поступилъ уже четырнадцати лѣтъ. Сохранилось одно стихотвореніе, написанное имъ еще мальчикомъ, 8—9 лѣтъ. Оно, конечно, очень слабо, но стихъ гладокъ и боекъ. Оно носитъ названіе «Брань тетки» и заключаетъ въ себѣ сначала выговоръ тетки своему племяннику за его шалости, затѣмъ его оправданія:

Чтобъ избѣгнуть посямленья,
Тотчасъ началъ я прощенья
У разсерженной просить,

Говорилъ ей, что забыть
 Не могу благодѣянья,
 Что всѣ черныя дѣянья
 Въ простотѣ свершалъ своей,
 Что совсѣмъ я не злодѣй и пр.

По выходѣ изъ Лицея Л. А. отправился прямо въ Москву, чтобы жить съ своей семьей и съ нѣжно любимой имъ матерью. *) Они жили въ небольшомъ деревянномъ домѣ, принадлежащемъ священнику прихода Николы въ Хамовникахъ. Л. А. поступилъ на службу младшимъ чиновникомъ канцеляріи московскаго генераль-губернатора и началъ ходить ежедневно пѣшкомъ на службу, на Тверскую. Черезъ своего хозяина онъ имѣлъ случай сойтись со многими членами московскаго духовенства, что и повліяло на его впечатлительность и религіозное настроеніе. Онъ серьезно занялся изученіемъ богословскихъ наукъ. Его мать умерла вскорѣ же, на масленицѣ. Когда онъ шелъ за ея гробомъ, печальная процесія проходила мимо Новинскаго, мѣсто народнаго гулянья. Кривляніе клоуновъ, пискъ маріонетокъ, гамъ и шумъ толпы въ виду гроба матери произвели на поэта такое удручающее впечатлѣніе, какого онъ не могъ забыть до конца жизни. Въ домѣ священника онъ прожилъ до своей женитьбы, въ 1852 году 10 апрѣля Посаженой матерью у него была графиня Е. П. Ростопчина, высоко цѣнившая его талантъ. Посаженымъ отцемъ—Новосильцевъ, московскій губернаторъ. Свадьбу съиграли въ ясный весенній день. Жениха и невѣсту, жившую въ томъ же приходѣ, знали всѣ и встрѣчали ихъ на улицѣ съ теплымъ привѣтствіемъ. На лѣто молодые переѣхали въ небольшой домикъ на берегу Москвы-рѣки, противъ Нескучнаго сада. Съ другой стороны дома былъ

*) Свѣдѣнія о московской жизни поэта и подробности его петербургской обстановки переданы намъ лицомъ, знавшимъ поэта съ тринадцатилѣтнаго возраста.